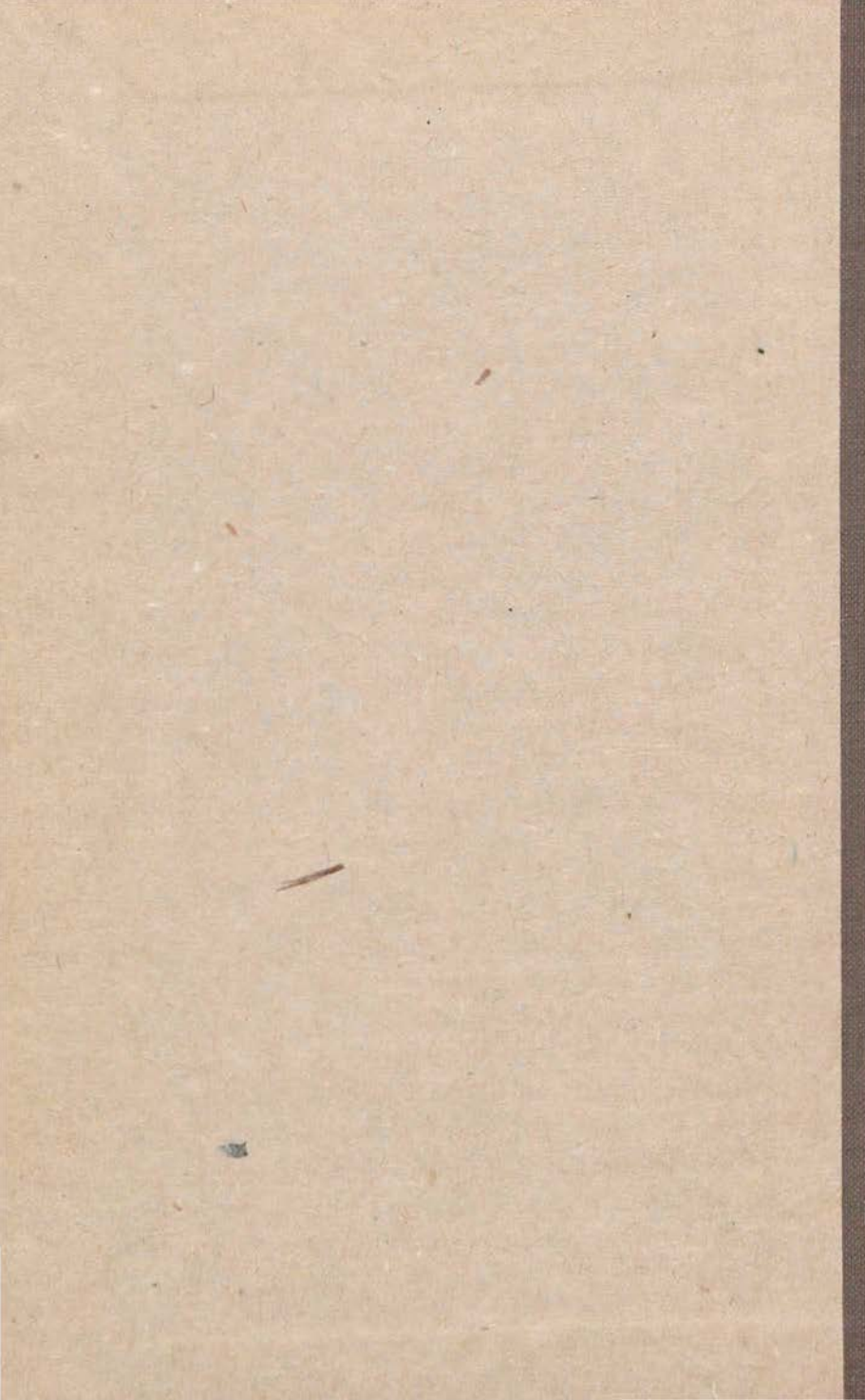
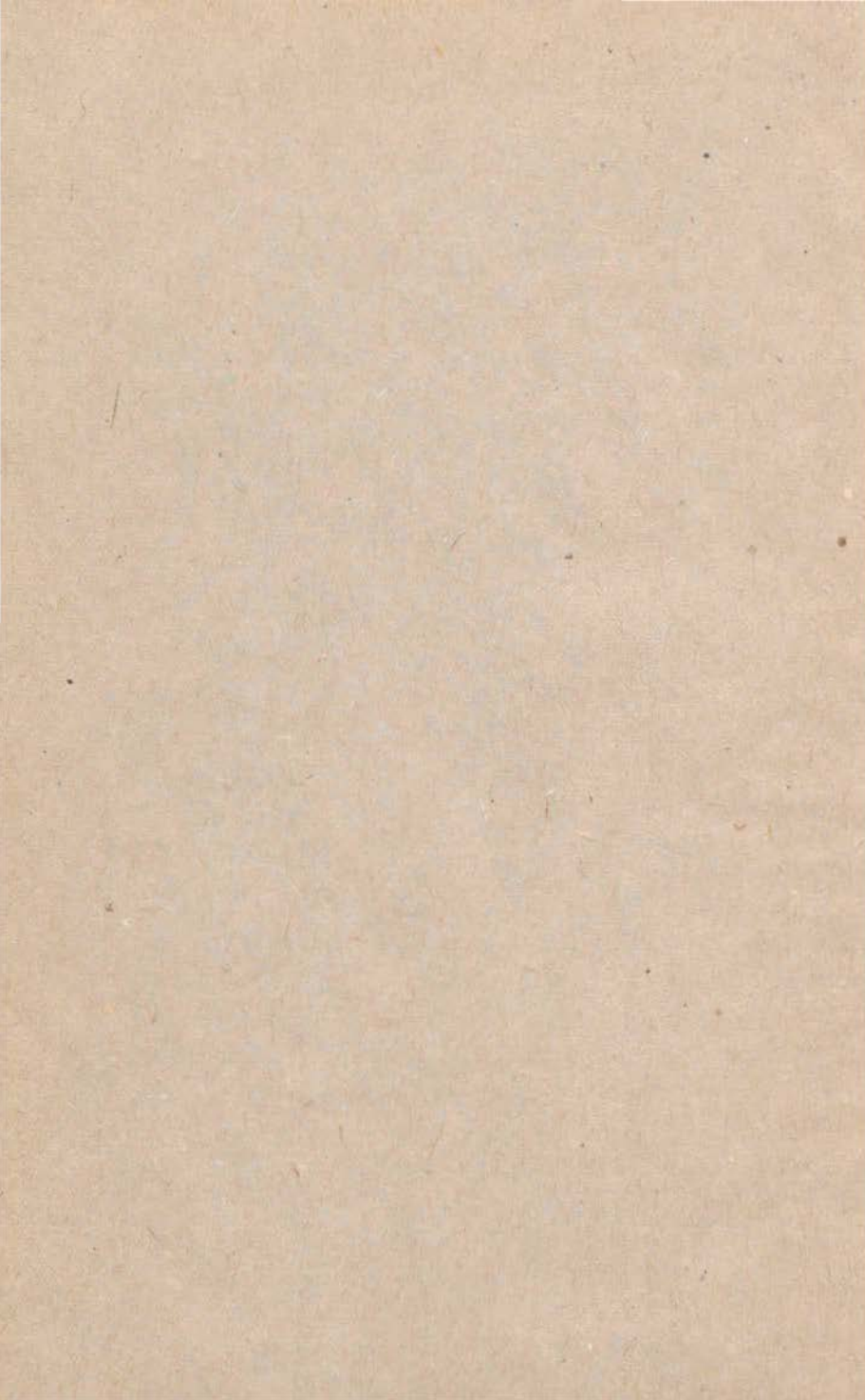

12
645

Д. М. Борезкинъ.

✓ 12
645

СОВРЕМЕННЫЕ КУМИРЫ.

Очеркъ современной сыщицкой литературы.

РЪЧЬ КЪ УЧАЩЕМУСЯ ЮНОШЕСТВУ.

Изданіе второе.

Цена 10 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ Я. БАШМАКОВА и К^о.
1914.

Д. М. Брезкинъ.

СОВРЕМЕННЫЕ КУМИРЫ.

Очеркъ современной сыщицкой литературы.

РЪЧЬ КЪ УЧАЩЕМУСЯ ЮНОШЕСТВУ.

Цѣна 10 коп.

Изданіе второе

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ Я. БАШМАКОВА и К^о.

1914.

2011136551

Тип. 1-й Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.

«Криво да косо не будетъ ровно».
Поговорка.

Кто въ наше время не слыхалъ о Шерлокѣ Холмсѣ, Натѣ Пинкертонѣ, Никѣ Картерѣ, Путилинѣ и другихъ «знаменитыхъ» и «величайшихъ» сыщикахъ?

Кто не читалъ или не видалъ на сценѣ, какъ эти сыщики, не смотря на всѣ чудовищныя ухищренія и козни не менѣе знаменитыхъ «воровъ-аристократовъ» и иныхъ «героевъ» темнаго преступнаго міра, въ родѣ Лорда Листера, Арсена Люпэна и Лейхтвейса, всегда удивительно счастливо и удачно раскрываютъ самыя таинственныя преступленія, не утомимо преслѣдуя ихъ виновниковъ по всѣмъ уголкамъ земного шара и выходя цѣлыми и невредимыми изъ самыхъ, казалось бы, невозможныхъ положеній?

Тощенькія, маленькія книжечки изъ плохой бумаги, съ ярко и грубо раскрашенными обложками, повѣствующія объ «удивительныхъ» подвигахъ и приключеніяхъ этихъ вымышленныхъ досужей фантазіей виртуозовъ сыска и преступленія, въ какіе-нибудь два—три года буквально заполонили собой книжный рынокъ.

Попробуйте заглянуть, напр., въ сумки газетчиковъ и книгоношъ, въ книжные шкафы желѣзнодорожныхъ станцій, на прилавки и полки не только книжныхъ магазиновъ средней руки, но и писчебумажныхъ и даже табачныхъ и мелочныхъ лавокъ и ларей,—и предъ вами одинаково всюду замелькаютъ онѣ, эти пестрыя книжки, съ сенсаціонными «сногшибательными» заголовками, въ родѣ: «Тайна красной

маски», «Кровавыя драгоцѣнности», «Двѣнадцать мертвыхъ сердець», «Домъ семи дьяволовъ»; «Человѣческая бойня», «Школа убійць» и проч. и проч.

Перечислить, хотя бы приблизительно, даже выдающіеся только номера этой современной авантюрской литературы рѣшительно не представляется никакой возможности: ихъ не десятки, не сотни, а тысячи. Каждый грядущій день родить все новые и новые выпуски, и все эти выпуски одинаково по-своему «выдающіеся».

Для ихъ фабрикаціи на нашихъ глазахъ выросли спеціальныя издательскія фирмы, въ цѣляхъ рекламы и сбыта раскинувшія своихъ представителей чуть ли не по всемъ городамъ матушки-Руси. Отъ этихъ представителей въ главныя конторы ихъ фирмъ то и дѣло летятъ заказы выслать то «серію Дацара», то «серію Патъ Коннера», то «серію д-ра Кварца», «Мутушими», «Лейхтвейса» и проч. И главныя конторы работаютъ, шлутъ. Изъ нѣдръ ихъ складовъ каждый почти день эти «серіи» всевозможной шерлоковщины и пинкертоновщины цѣлыми громадными кипами плывутъ по всемъ направлениямъ, проникая въ самые отдаленные уголки, до затерявшихся въ глухой тасжной трещѣ деревушекъ включительно.

О томъ, насколько великъ въ настоящее время сбытъ произведеній сыщицкой литературы, можно судить уже потому, что, по официальнымъ только даннымъ, ея расходится въ одномъ лишь Петербургѣ около *семи съ половиной миллионовъ книжечекъ въ годъ*. За одинъ лишь августъ мѣсяцъ прошлаго года, когда предъ началомъ ученія типографіи бывають заняты, обыкновенно, главнымъ образомъ печатаніемъ учебниковъ, въ Петербургѣ было напечатано 898.710 экземпляровъ сыскныхъ брошюръ, всѣхъ которыхъ равнялся 2.488 пудамъ 17 фунтамъ. Можно судить, поэтому, каково же общее, обращающееся среди російскихъ обывателей, количество этихъ брошюръ! Надо полагать, что

это количество, если принять во вниманіе число брошюръ, напечатанныхъ не за одинъ только, сравнительно, «тихій» августъ мѣсяцъ, а и за всѣ мѣсяцы года и не въ одномъ только Петербургѣ, а и въ Москвѣ, Варшавѣ, Одессѣ и другихъ городахъ Россіи, а также—число брошюръ, вывезенныхъ въ готовомъ видѣ изъ-за границы и, наконецъ, полученныхъ въ наслѣдство отъ трехъ—четырехъ предшествующихъ лѣтъ, — будетъ умопомрачительно громадно: оно должно выразиться уже не десяткомъ, а десятками миллионовъ экземпляровъ.

Десятки миллионовъ экземпляровъ!

Но вѣдь это — настоящее безбрежное море, настоящій книжный потопъ!

И, — спрашивается, — чего?

Полуграмотныхъ разсказовъ о томъ, какъ одинъ чловѣкъ вполнѣ сознательно и хладнокровно совершаетъ всевозможныя мерзости и звѣрства, а другой охотится за нимъ, точно за краснымъ хищнымъ звѣремъ, и, послѣ цѣлаго ряда до нелѣпости фантастическихъ приключеній, наконецъ, настигаетъ его, хватаетъ, сажаетъ въ тюрьму, стрѣляетъ, колеть, рубить, рѣжетъ безъ всякой жалости и милосердія. Обманъ, воровство, подлоги, безчеловѣчная жестокость, развратъ...

И—кровь, кровь...

И что особенно знаменательно и грустно, такъ это то, что это кровавое книжное море сыска и преступленія, вздувшееся на нашихъ глазахъ и при нашемъ высококультурномъ «благосклонномъ» попустительствѣ, на нашихъ же глазахъ постепенно и невозбранно захлестнуло своей безобразной мутью не однѣ лишь дворницкія и швейцарскія, а и наши школы, наше учащееся юношество.

Присмотритесь внимательно къ тому, что читаетъ послѣднее, — и вы, наряду съ прекрасными книгами, нерѣдко встрѣтите все тѣ же пестрыя книжки о Шерлокѣ Холмсѣ,

Натѣ Пивкертонѣ, Никѣ Картерѣ и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ вы подмѣтите, что рядомъ со случайнымъ чтеніемъ этихъ книжекъ (подвернулась, дескать, подъ руку книжонка—ну, взялъ да и прочиталъ, «со скуки» прочиталъ, «чтобы провести время» прочиталъ) идетъ чтеніе систематическое: книжки съ рассказами о преступленіяхъ и сыскѣ читаются именно *запойно, любовно, въ ущербъ умному и полезному чтенію*.

«Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, — пишетъ одинъ юноша въ отвѣтъ на предложенный ему анкетный вопросъ, — то мнѣ пришлось читать книжку о Натѣ Пинкертонѣ. Я съ *восхищеніемъ* прочиталъ одну книжку и попросилъ у товарища другую» ¹⁾).

«Ради этихъ книгъ, — читаемъ мы въ другомъ отвѣтѣ, — я *бросилъ другія книги*, не смотря на то, что дома не совсѣмъ охотно позволяли читать ихъ».

«Когда все спятъ, я зажигаю лампу и читаю цѣлую ночь».

«Не могу оторваться», «*не могу заниматься уроками*», «упиваюсь», «испытываю наслажденіе», «дочитался до привидѣній», «стало жутко» и проч. и проч.

На вопросъ: «Сколько прочиталъ изъ сыщицкой литературы?» — одинъ юноша отвѣтилъ, что прочиталъ 200 выпусковъ, другой — 300 выпусковъ, около сорока заявили, что прочитали около 150 выпусковъ каждый, 32 указали, что прочитали «много», что означаетъ, во всякомъ случаѣ, не менѣе 50 выпусковъ и проч.

Нѣкоторые изъ учащихся дошли въ чтеніи всевозможной шерлоковщины и пинкертонщины даже до того, что сдѣлались своего рода специалистами въ этой области, наловчившись отличать разные оттѣнки этихъ, въ общемъ, однообразныхъ «серій». Такъ Путилинъ, напр., одному ученику пра-

¹⁾ И въ этомъ, и въ другихъ отвѣтахъ курсивъ нашъ. Авт.

вится больше всѣхъ, потому что онъ «не сразу ловить, какъ другіе, а постепенно».

Мало того: вы подмѣтите, что этими книжками увлекаются подчасъ настолько, что ихъ чтеніе постепенно начинаютъ считать «полезнымъ» и «нужнымъ», а героевъ сыска возводятъ даже въ идеалы своей будущей жизни и дѣятельности. Такъ одинъ юнецъ откровенно заявляетъ, что книжки о сыщикахъ онъ «покупалъ и будетъ покупать», потому что считаетъ ихъ «полезными и для мальчиковъ, и для взрослыхъ». А на анкету объ идеалахъ учащихся, проведенную въ октябрѣ 1908 года въ 15 классахъ мужскихъ учебныхъ заведеній и 27 классахъ женскихъ, поступили, между прочимъ, 31 отвѣтъ (24 отъ учениковъ и 7 отъ ученицъ), въ которыхъ «идеалами» выставляются именно или Шерлокъ Холмсъ, или Натъ Пинкертонъ, Никъ Картеръ и другіе сыщики. Къ аналогичнымъ же даннымъ привела анкета, произведенная въ одномъ изъ учебныхъ заведеній и въ 1909 году. При этомъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ, послѣ восторженнаго отзыва о личности и «подвигахъ» сыщиковъ, прямо и недвусмысленно заявляется: «Мнѣ самому хочется быть Натъ Пинкертономъ», «Я больше всего хочу быть Шерлокомъ Холмсомъ», «Я также хочу раскрывать преступленія и отыскивать преступниковъ», «Я также намѣренъ заняться этимъ дѣломъ по окончаніи курса гимназіи» и проч. и проч.

Спрашивается: въ чемъ же кроется причина такого широкаго распространенія сыщичьей литературы въ современномъ намъ обществѣ и что, собственно, *дурного* въ увлеченіи ею?

Простая ссылка на «психическую заразу» является, конечно, общимъ мѣстомъ и по существу ничего не объясняетъ, такъ какъ сама «психическая зараза» нуждается въ своемъ объясненіи; именно и важно выяснитъ тѣ болѣзнетворныя

условія, благодаря которымъ эта «зараза» эпидемически усвоится психикой современнаго намъ общества.

И нѣтъ сомнѣнія, что въ ряду такихъ условій далеко не послѣднее мѣсто занимаетъ *общая настроенность нашего времени съ его кровавыми ужасами.*

За послѣднія семь-восемь лѣтъ мы столько пережили, сколько люди не переживаютъ обычно за всю свою жизнь. Кровопролитная несчастная война съ Японіей, обидный для національнаго самолюбія миръ, манифестъ 17 октября, младыя мечты о скороспѣломъ обновленіи внутренней жизни Россіи, братоубійственная смута съ ея забастовками, безуміемъ возстаній, безконечнымъ кровавымъ рядомъ покушеній, экспроприаций и грабежей—все это, естественно, должно было оставить сильный слѣдъ въ душѣ современныхъ русскихъ людей.

Подъ вліяніемъ, съ одной стороны, горькаго чувства разочарованности и недовольства однообразіемъ и безцвѣтностью обыденной обывательской жизни, а съ другой,—бурной гаммы повышенныхъ чувствъ и настроеній только что пережитого, полного захватывающихъ кипучихъ страстей, въ душѣ многихъ изъ нихъ, рядомъ и одновременно съ приподнятымъ до болѣзненности интересомъ ко всякой смѣлой активной личности, безотносительно подчасъ къ ея нравственному облику, и не менѣе болѣзненной потребностью самолично пережить съ этой личностью настроеніе нервной, напряженной борьбы, постепенно наслоялась и прочно закрѣплялась привычка къ сильнымъ ощущеніямъ. Эта привычка осталась у нихъ и тогда, когда цѣлныя валы взбаламученнаго моря, такъ называемаго «освободительнаго движенія», нѣсколько поулеглись. Она видоизмѣнилась лишь со стороны цѣнности самихъ возбуждителей ощущеній, мало-по-малу переродившись въ такъ характерную для переживаемаго нами времени *грубоэгоистическую жажду сильныхъ впечатлѣній* и безудержную изобрѣтательность всевозможныхъ способовъ къ ея удовлетворенію.

Эта недостойная жажда у различныхъ людей проявляется различно. Равнымъ образомъ различными способами люди и удовлетворяють ее.

У однихъ она сказывается, напр., въ похотливомъ задѣваніи и раздраженіи тѣхъ психологическихъ струнъ, которыя связаны съ вопросами половой физиологіи, при чемъ эти люди для удовлетворенія ея бросаются въ порнографію и самый безшабашный развратъ со всеми чудовищно-гнусными его уродливостями, до половой перверзіи включительно. Они зачитываются «санинской» литературой, нарасхватъ раскупають циничныя фотографическія карточки и «алфавиты любви», идутъ въ «колоніи естественныхъ людей» и въ различныя «Дореѣ» и «Лови моменты», неопустительно посѣщаютъ «вечера красоты» и всевозможныя «Variétés», восторгаются въ «театрахъ сильныхъ ощущеній» сценами изъ «Пѣвички Бабинетъ», «Радій въ постели», «Падшей» и проч. и проч.

У другихъ эта жажда сильныхъ впечатлѣній проявляется въ создаваніи и поощреніи общественныхъ развлеченій, поразительныхъ по своей дикой безсмысленности и жестокости. Точно въ эпоху распада могущественной когда-то Римской имперіи, люди этой категоріи, съ крикомъ «Зрѣлищъ!» идутъ въ различныя цирки смотрѣть или на то, какъ на головокружительной высотѣ «человѣкъ съ желѣзной шеей», накидывая на себя натуральную мертвую петлю, изображаетъ повѣшеннаго, или на то, какъ различные укротители съ однимъ хлыстикомъ въ рукахъ входятъ въ клѣтки съ дикими хищными звѣрями, маги—преджизистаторы съ звонкимъ хрустомъ перемалываютъ зубами и глотаютъ стекло, «профессора» атлетики гнутъ желѣзныя полосы, профессиональные борцы «кладутъ на лопатки» своихъ менѣ счастливыхъ соперниковъ, а жокеи — наѣздки разбиваютъ лбы при скачкахъ «съ препятствіями»...

У третьихъ она сказывается въ болѣзненной эксцентричности, претенціозномъ самомиѣніи и предвзятомъ желаніи, на-

перекоръ всему и всѣмъ, все осуждать, разрушать и вносить съ собою всюду безпорядокъ, свару и скандалъ. Этихъ личностей теперь вы можете встрѣтить вездѣ: и въ обществѣ, и на улицѣ, и въ семьѣ, и въ школѣ. Безъ нихъ не обходится ни одно общественное собраніе, ни одно общественное увеселеніе. Замѣтками объ ихъ «подвигахъ» изо дня въ день пестрѣютъ газетныя хроники...

Есть, наконецъ, и такіе—и много-много ихъ по нынѣшнимъ временамъ!—которые, подобно портному Окоемову изъ романа Соллогуба «Тяжелые сны», любятъ занимать свое воображеніе и щекотать свои больные нервы лишь всѣмъ таинственно-кровавымъ, чудовищно-звѣрскимъ. Имъ нравятся, напр., только изъ ряда вонъ выдающіяся преступленія, въ родѣ «Таинственнаго убійства въ Лештуковомъ переулкѣ», «Дѣла Александра Кара», «Красной вдовы», «Покойника безъ головы» и проч. Они смакують каждую деталь этихъ отвратительныхъ преступленій, съ нетерпѣніемъ ждутъ продолженія ихъ описанія и поистинѣ съ волчьей жадностью набрасываются на свѣжіе номера тѣхъ газетъ, «въ каждомъ номерѣ которыхъ самыхъ разнообразныхъ преступленій хоть отбавляй: читай—не хочу, такъ что подъ конецъ, — какъ заявляетъ Окоемовъ,—и вниманія не обращаешь: ну, убилъ, зарѣзалъ, отравилъ,— тѣфу»!..

Разумѣется, для людей этой категоріи всевозможная шерлоковщина и пивкертоновщина явилась настоящимъ кладомъ, ибо въ ней оказалось въ наличности рѣшительно все, что имъ такъ нравится и чего они ищутъ: и кровавыя звѣрскія преступленія, и не менѣе кровавыя и звѣрскія расправы съ преступниками, и напряженное до послѣдней степени состязаніе между преступникомъ и сыщикомъ въ ловкости, хитрости, находчивости, хладнокровіи и храбрости, и такъ любезная имъ таинственность, загадочность. Неудивительно послѣ этого, что современные Окоемовы съ восторгомъ встрѣтили появленіе пестрыхъ книжекъ о сыскѣ и преступленіяхъ, а издатели,

своевременно подмѣтившіе спросъ на эти книжки, съ неменьшимъ восторгомъ принялись печь ихъ, всячески поддѣлываясь подъ невзыскательный вкусъ Окоемовыхъ — покупателей. И чѣмъ больше разрастался спросъ, тѣмъ шире и изобрѣтательнѣе развивалась и дѣятельность издателей.

Когда рассказы англійскаго писателя Кованъ-Дойля о Шерлокѣ Холмсѣ, этою, такъ сказать, родоначальникѣ и прототипѣ современныхъ героевъ сыска, были исчерпаны все и впереди, такимъ образомъ, предстояло скучное и плохо оплачиваемое повтореніе. — по предложенію издателей десятки разныхъ анонимныхъ борзописцовъ со рвеніемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, принялись сочинять по образу и подобию Шерлока Холмса новыхъ аналогичныхъ героевъ сыска и преступленія, изъ которыхъ каждый слѣдующій, къ несчастью, выходилъ и грубѣе, и нравственно-безобразнѣе предыдущаго. Такъ постепенно за Шерлокомъ Холмсомъ появился Лордъ Листеръ, этотъ «воръ джелтменъ и артистъ — любитель», вслѣдъ за нимъ — «воръ, авантюристъ, мошенникъ и плутъ» Арсенъ Люпенъ, а затѣмъ — особенно пришедшійся по душѣ г. Окоемовымъ «гроза и ужасъ всехъ воровъ, мошенниковъ и плутовъ» — Натъ Пинкертонъ. За послѣднимъ — же, точно грибы послѣ теплаго лѣтняго дождя, какъ-то разомъ выплыли на свѣтъ Божій изъ складовъ издательскихъ фирмъ — американскій Шерлокъ Холмсъ, Никъ Картеръ, знаменитый американскій сыщикъ Бобъ Витней, знаменитый нѣмецкій сыщикъ Графъ Стагартъ, знаменитый лондонскій сыщикъ Павелъ Бекъ, знаменитая сыщица Миссъ Дора Мирль, «удивительная» сыщица Этель Кингъ, грозный судья угнетателей красавецъ Картушъ, знаменитый бандитъ Лейхтвейсъ, дневникъ знаменитаго вора Георгія Манолеску и проч. и проч.

Дѣйствительно, просто «читай — не хочу». Куда глазомъ ни кинешь, вездѣ онъ сталъ встрѣчать все тѣ-же пестрые книжки или о сыщикахъ, или о сыщицахъ разной масти и

фасона. Волна вздувалась быстро, пока не затопила, какъ мы видѣли, весь книжный рынокъ.

И это дѣло оказалось далеко не безразличнымъ, какъ въ простотѣ души полагали родители, воспитатели и вообще—всѣ тѣ, кому своевременно этимъ дѣломъ вѣдать было нужно.

Когда своимъ наводненіемъ улицъ, витринъ, прилавковъ и даже открытыхъ сценъ книжки о сыскѣ на каждомъ шагѣ стали настойчиво и систематично барабанить по нервамъ, давить на психику, противъ воли врываться въ сознаніе, то, по закону сложенія стимуловъ (Вильямъ Джемсъ), постепенно и стала создаваться та каленая болѣзнетворная атмосфера внушенія и гипноза, которая медленно, но неизбѣжно и вѣрно и привела къ своего рода психозу, мало-по-малу охватившему и не однихъ уже Окоемовыхъ: книжки о сыщикахъ стали читаться всѣми, и не одними уже только взрослыми, но, какъ мы видели, и дѣтьми, нашимъ учащимся юношествомъ. Наступило поистинѣ какое-то темное, безотчетно — захватывающее эпидемическое увлеченіе. «Зараза» какая-то пошла, и эта «зараза», къ сожалѣнію, отравила своими нездоровыми ядовитыми мiasмами ни одну свѣтлую юную душу.

Грустно, а—фактъ. Непредложенный и глубоко поучительный фактъ.

Дайте, себѣ трудъ внимательно и безпристрастно вдуматься и учесть то, что дало вамъ въ конечномъ результатѣ чтеніе сыщичьей литературы,—и вы сами воочию убѣдитесь въ этомъ. Вы сами не только со стыдомъ, но и съ тревогой, близкой къ ужасу, въ концѣ концовъ подмѣтите въ себѣ, прежде всего, приниженіе здороваго литературно-художественнаго вкуса.

Вы увидите и вполнѣ признаете справедливость того, что все время, которое вы провели въ обществѣ Шерлوكъ Холмсовъ, Лордовъ Листеровъ, Натъ Пинкертоновъ, Никъ Картеровъ и проч., вы провели въ очень дурной компаніи,—

компаніи не живыхъ, реальныхъ лицъ, носителей и воплощений какихъ-либо жизненныхъ, идейныхъ началъ, не глубоко-продуманныхъ, психологически-правдивыхъ характеровъ, не типично-красочныхъ и индивидуально-цѣнныхъ физіономій, а въ компаніи искусственно-придуманныхъ и бульварно-пошлыхъ манекеновъ, говорящихъ дубовымъ бульварнымъ языкомъ.

Вы увидите и вполне согласитесь съ тѣмъ, что во всѣхъ разсказахъ объ этихъ бульварныхъ герояхъ, за исключеніемъ развѣ разсказовъ Конанъ-Дойля¹⁾, нѣтъ ни логической связи фактовъ, ни постепеннаго развитія дѣйствія и постепеннаго разрѣшенія задачи: все ясно съ первыхъ-же страницъ и все одинаково неправдоподобно и фальшиво, такъ какъ опирается въ большинствѣ случаевъ не на умозаключеніе отъ присутствія основанія къ присутствію слѣдствія и отъ отсутствія слѣдствія къ отсутствію основанія, а на невозможное съ логической точки зрѣнія умозаключеніе отъ присутствія слѣдствія къ присутствію основанія. Факты нанизываются подчасъ совершенно несообразно, лишь съ цѣлью достиженія эффектовъ лубочнаго характера. Обыкновенно дѣло представляется такъ, что сыщикъ какимъ-то непонятнымъ образомъ или благодаря недѣльной случайности нападаетъ на слѣдъ преступленія, но, выслѣживая преступниковъ, самъ попадаетъ въ ихъ руки. Казалось-бы, онъ долженъ погибнуть, но—нѣтъ! онъ всетаки вывертывается, выходитъ изъ критическаго положенія съ помощью самыхъ удивительныхъ и нерѣдко—прямо-таки не допустимыхъ съ точки зрѣнія здраваго разума средствъ. Такъ въ одномъ разсказѣ передается, напр., о томъ, какъ преступники

¹⁾ Нѣкоторые изслѣдователи и критики начинаютъ за послѣднее время высоко цѣнить разсказы Конанъ-Дойля. Такъ, напр., пр.-доц. Н. О. Лосскій, авторъ «Обоснованія интуитивизма», прямо-таки рекомендуетъ изучающимъ логику познакомиться съ Шерлокомъ Холмсомъ. Въ большинствѣ разсказовъ о немъ онъ цѣнитъ строго-логическую будто-бы структуру ихъ и вообще—смотреть на нихъ, какъ на рядъ интересныхъ логическихъ загадокъ, которыя рѣшаются съ такимъ-же будто-бы интересомъ, какъ и математическія задачи, задачи—шутки и т. п.

захватываютъ ненавистнаго имъ Натъ Пинкертонъ, привязываютъ его животомъ къ дулу заряженной пушки, вставляютъ въ послѣднюю фитиль съ зажженнымъ концомъ и уходятъ. Казалось-бы,—сыщику пришелъ карачунъ: связанный по рукамъ и по ногамъ, онъ долженъ видѣть, какъ постепенно перегараетъ шнуръ фитиля и съ каждымъ мгновениемъ все ближе и ближе надвигается на него неумолимая и неминуемая смерть. Однако, Натъ Пинкертонъ, т. е., собственно говоря, не Натъ Пинкертонъ, а авторъ разсказа не теряется и не смущается: онъ просто-на-просто заставляетъ своего героя откусить кончикъ языка и выплюнуть его вмѣстѣ съ кровью на горящій фитиль, благодаря чему послѣдній гаснетъ, и сыщикъ, такимъ образомъ, спасенъ. Онъ освобождается, побѣдоносно ловить преступниковъ, сыгравшихъ съ нимъ такую скверную штуку, сажаетъ ихъ въ тюрьму, за что и получаетъ условленный гонораръ. А такъ какъ безъ языка сыщику обойтись никакъ невозможно, то авторъ заставляетъ врачей придѣлать ему новый языкъ—и дѣло въ шляпѣ. И подобныхъ несообразностей вы найдете цѣлую кучу.

Удивительно-ли послѣ этого, что художественный вкусъ, развитіе и воспитаніе котораго требуютъ самаго тщательнаго и внимательнаго выбора книгъ, при чтеніи подобной антихудожественной дребедени невольно притупляется и принижается. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, безнаказанно прочесть до 150 — 200 — 300 подобныхъ разсказовъ! Мысль, въ силу повторности, невольно привыкаетъ укладываться въ такое-же болное русло, дѣлать такіа-же логическія несообразности, свыкаться и сживаться съ фальшивыми бульварными образами и картинами, выражаться вовнѣ такимъ-же дубовымъ, бульварнымъ языкомъ. Поистинѣ въ данномъ случаѣ правы пословицы: «Скажи мнѣ, что ты читаешь, и я скажу тебѣ, кто ты таковъ» и «Нѣтъ на свѣтѣ ничего гаже дурной компаніи»...

Но, помимо приниженія литературно - художественнаго

вкуса, вы увидите, далѣе, и нѣчто болѣе ужасное: вы увидите, какъ подъ вліяніемъ чтенія сыщичкой литературы постепенно притупляется и извращается нравственное чувство у человѣка, какъ послѣдній, питая воображеніе грязными картинами преступнаго міра, постепенно и незамѣтно для самого себя утрачиваетъ отвращеніе къ этимъ картинамъ, сживается съ ними, капля за каплей впитываетъ въ себя взгляды разныхъ Натъ Пинкертоновъ, Лордовъ Листеровъ и Арсеновъ Люпеновъ, а при неуравновѣшанности, болѣзненной склонности къ подражанію, истеріи — самъ начинаетъ проповѣдывать тоже самое и даже — становится въ ихъ ряды.

Да иначе оно, впрочемъ, и не можетъ быть.

Существенно-важный психологическій моментъ всякаго чтенія, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что воспринятые отъ чтенія образы и картины, даже помимо желанія читателя и, что еще важнѣе, даже помимо непосредственнаго сознанія имъ этого, вызываютъ въ немъ такой или иной субъективный откликъ, такое или иное отношеніе къ себѣ, возбуждая, по ассоціаціи, цѣлую гамму соответствующихъ чувствъ и настроеній. При частомъ-же, а тѣмъ болѣе продолжительномъ и систематическомъ повтореніи въ чтеніи однихъ и тѣхъ-же образовъ и картинъ происходитъ, если во-время не дано необходимаго противовѣса, эмоціальное предрасположеніе воплотить эти чувства и настроенія, какъ привычныя уже, въ рядъ дѣйствій въ своей собственной жизни и дѣятельности. Происходитъ, однимъ словомъ, явленіе своего рода гипноза, внушенія черезъ чтеніе. И если подъ вліяніемъ подобнаго внушенія часто мѣняютъ свои взгляды, привычки и характеръ даже взрослые, уже сложившіеся и духовно окрѣпшіе люди, то что сказать о молодежи, увлекающейся, неустойчивой и еще неопредѣлившейся!

При живости фантазіи, она скорѣе, чѣмъ взрослые, можетъ перенестись въ условія жизни, изображаемыя писателемъ, сблизиться съ этой жизнью, съ выведенными героями ея,

вступить съ ними въ живой обмѣнъ своими чувствами и настроеніями, своими симпатіями и антипатіями.

И посмотрите, какъ, увлеченная общимъ психозомъ окоемовщины, реагировало она на образы и картины той жизни, что описывается на страницахъ пестрыхъ книжекъ о сыскѣ и преступленіяхъ, и что изъ этого вышло.

Вы увидите, что большинство юношей, увлекшихся чтеніемъ сыщицкой литературы, уже на второмъ—на третьемъ десяткѣ ея номеровъ не только привыкаетъ къ грязнымъ персонажамъ ея и не возмущается ихъ преступными свойствами, а начинаетъ даже постепенно, очевидно—по мѣрѣ проникновенія во вкусъ Окоемовыхъ, увлекаться ихъ борьбою, сочувствовать имъ, дрожать за ихъ участь, живо раздѣлять всѣ ихъ интересы, вмѣстѣ съ ними придумывать новые способы воровства и избавленія отъ опасности и, наконецъ, съ облегченіемъ вздыхать, когда вору или сыщику удаются ихъ кровавые, звѣрскіе замыслы.

На анкету, произведенную въ 1909 году, поступили, между прочимъ, отъ такихъ юношей слѣдующіе, краснорѣчиво иллюстрирующіе только что сказанное, отвѣты: «Читаю и раздѣляю взгляды Арсена Люпэна», «эти воры мнѣ нравятся потому, что очень интересно знать, какъ надо опустошать карманы богатымъ людямъ», «нравятся оттого, что умѣютъ обманывать и воровать», умѣютъ «надувать», «ловко укрываться», «нравятся оттого, что они здорово рѣзали, изъ чего видно, что они смѣльчаки», «отчаянные», «готовы на все», «ни передъ чѣмъ не останавливаются», «ничего не боятся», «хитры», «скрытны», «ловки», «рискуютъ своей жизнью», «я самъ помогъ-бы имъ (разбойникамъ) рѣзать», «самъ хотѣлъ-бы сдѣлаться Лордомъ Листеромъ, потому что имѣлъ бы тогда массу денегъ» и проч. и проч.

Изъ 122 опрошенныхъ 50, т. е. цѣлыхъ 40,98%, такъ или иначе старались подражать сыщикамъ, 15 (12,29%) играли въ сыщиковъ, 12 (9,83%) называли себя именами

сыщиковъ и разныхъ преступниковъ, 18 (14, 75%) «хотѣли-бы» или «хотѣли» сдѣлаться ими, а 2 (1, 63%) такъ даже пробовали быть таковыми.

При вышеупомянутой анкетѣ объ «идеалахъ учащейся молодежи» выяснилось, что сыщики и разные архиплуты оказались болѣе привлекательными и дорогими, чѣмъ даже отецъ, мать, другіе родственники, чѣмъ выдающіеся ученые (Сократъ, Бремъ, Менделѣевъ, Юнгъ и др.), многіе талантливые беллетристы-писатели (Гоголь, Тургеневъ, Крыловъ, Кольцовъ, Грибодовъ, Достоевскій, Чеховъ, Викторъ Гюго, Гете и др.), многіе обезсмертившіе себя въ исторіи разныхъ народовъ вѣщеносцы и историческіе дѣятели (Александръ Македонскій, Периклъ, Цезарь, Ярославъ Мудрый, Владиміръ Святой, Александръ Невскій, Имп. Александръ II, Гарибальди, адм. Ушаковъ, Нахимовъ и др.), знаменитые изобрѣтатели (Эдиссонъ), художники (Рафаэль, Рѣпинъ), композиторы (Бетховенъ, Шопенъ, Римскій-Корсаковъ), путешественники (Колумбъ, Магеланъ, Пржевальскій, Нансенъ, Стенли и др.), филантропы (докторъ Гаазъ) и проч. и проч. Даже, страшно сказать, Самъ Господь и Спаситель нашъ І. Христосъ, по безумному суду сбившихся съ толку юношей, оказался ниже, малоцѣннѣе героевъ сыска, такъ какъ названъ «идеаломъ» всего 4 раза, между тѣмъ какъ Шерлокъ Холмсъ—12 разъ (больше на 8 разъ) и Натъ Пинкертонъ—7 разъ (больше на 3 раза).

Изъ сказаннаго съ очевидностью явствуешь, что подъ ядовитымъ смраднымъ вліяніемъ разсказовъ о разныхъ «кровавыхъ» герояхъ сыска и преступленія въ юныхъ душахъ перевернулись рѣшительно всея понятія: удалъ, ловкость, обманъ, воровство, убійство и другія «качества» сыщиковъ и преступниковъ оказались выше и желаннѣе, чѣмъ Божественная правда, любовь, милосердіе, мудрость, самопожертвованіе, состраданіе и проч., т. е., говоря иначе, они, эти безнравственныя «качества», настолько овладѣли психикой

юных, неуравновѣшенных читателей, что сдѣлали ихъ буквально глухими и слѣпыми относительно самыхъ элементарныхъ этическихъ понятій. Точно зачумленные, они утратили всякое различіе между добромъ и зломъ. По крайней мѣрѣ, порокъ, какъ нѣчто мерзкое, гнусное, постыдное, уже не существуетъ, ибо онъ не только не вызываетъ уже отталкивающихъ или такъ называемыхъ «репульсивныхъ» эмоцій, а напротивъ—тянетъ къ себѣ, тянетъ какъ нѣчто именно будто бы хорошее, чуть не добродѣтельное: его оправдываютъ, сочувствуютъ ему, восхищаются имъ, ставятъ цѣлью своей будущей жизни и дѣятельности. И подумать только, что это происходитъ тогда, когда закладываются еще первые основные камни въ фундаментъ духовной личности! Ясно, какую страшную опасность для развитія нравственнаго характера учащихся представляетъ изъ себя эта пестрая, сплошь пропитанная грязью порока, клинически-патологическая окоемовская литература...

Но и это не все.

Оглянитесь внимательно кругомъ,—и вы съ ужасомъ замѣтите, что сыщицкая литература, развращая умъ и сердце своихъ экспансивныхъ читателей, методически развращаетъ и ихъ волю, толкая на путь сыска же и преступленія.

Вы увидите, какъ зачитавшійся сыщицкой литературой юноша, въ силу присущей ему способности и склонности къ подражанію, начинаетъ постепенно стремиться выразить охватившія его чувства восхищенія и преклоненія предъ своими кумирами вовнѣ, въ такихъ или иныхъ, приличныхъ и достойныхъ этихъ кумировъ, движеніяхъ и дѣйствіяхъ, т. е., говоря попросту, переходитъ мало-по-малу отъ слова къ дѣлу, отъ чтенія къ воплощенію прочитаннаго въ реальной дѣятельности.

Просмотрите журнальныя и газетныя хроники послѣднихъ пяти-шести лѣтъ, — и вы найдете сотни подтверждающихъ только что сказанное случаевъ.

Вы прочтете въ нихъ и о томъ, какъ близъ Берлина полиція недавно накрыла шайку воровъ-подростковъ изъ 26 школьниковъ (10—14 лѣтъ), которые, подъ вліяніемъ именно воровскихъ и разбойничьихъ походовъ разныхъ Арсеновъ Люпенъ и Лордовъ Листеровъ, бросили школу и образовали шайку, долго совершавшую мелкія кражи изъ лавокъ въ самомъ Берлинѣ и его окрестностяхъ и грабившую на улицахъ дѣвушекъ-школьницъ; и о томъ, какъ въ Іенѣ одинъ юноша, проглотивши разной пинкертоновщины на цѣлыхъ 15 марокъ (около 7 руб.), застрѣлилъ шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, заподозривъ въ ней важную преступницу.

Вы узнаете изъ этихъ хроникъ, что во Франціи игра въ сыщиковъ охватила учениковъ чуть ли не всѣхъ среднихъ школъ и приняла прямо-таки угрожающіе размѣры, что тамъ образовались даже партіи Никъ Картера и Натъ Пинкертона, что игры теперешнихъ французскихъ гимназистовъ имѣютъ своимъ сюжетомъ, главнымъ образомъ, преступленія и убійства, и что отъ игръ эти юноши то и дѣло переходятъ къ дѣйствительнымъ преступнымъ походамъ и подвигамъ. Такъ одинъ ученикъ лицея, предсѣдатель школьнаго общества Пинкертона, укралъ у кухарки своей матери 40 франковъ ея сбереженій и, при этомъ, пресерьезно заявлялъ, что въ его поступкѣ рѣшительно нѣтъ ничего дурного, такъ какъ онъ совершилъ его лишь какъ «воръ-любитель» и проч.

На основаніи тѣхъ же источниковъ съ грустью отмѣтите вы горькіе плоды сыщичьей литературы, выросшіе и на русской почвѣ.

Урожай ихъ обилень, — не сочтешь...

Тамъ одиннадцатилѣтній мальчикъ, разсердившись на прислугу, не раздѣлившую его интереса къ рассказамъ про сыщиковъ, стрѣляетъ въ нее изъ револьвера; въ другомъ мѣстѣ дѣти, изъ которыхъ старшему было 14 лѣтъ, играя въ Пинкертона, устроили примѣрную смертную казнь, при чемъ по-

доспѣвшіе взрослые вынули изъ петли мальчика уже мертвымъ; въ третьемъ двѣ молоденькія дѣвушки начитавшись про Пинкертонъ и рѣшившись «сыграть въ анархистовъ-коммунистовъ», написали одному богатому купцу требованіе подъ угрозой смерти положить на опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время 300 рублей, а сами отправились наблюдать, что будетъ, и попали въ руки полиціи. Въ одномъ губернскомъ городѣ недавно были арестованы четыре школьника — «вымогателя», въ возрастѣ отъ 7 до 16 лѣтъ; ихъ толкнули на вымогательство, оказывается, ихъ кумиры — Лордъ Листеръ, Арсень Люпенъ и Лейхтвейсъ. Въ другомъ губернскомъ городѣ полиція недавно же задержала четырехъ юношей достаточныхъ семей, воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній, совершавшихъ систематическія кражи изъ переднихъ дантистовъ. Гдѣ-то на югѣ школьники, начитавшись сыщицкой литературы, устраивали поджоги; гдѣ-то образовали настоящую разбойничью банду. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ пытались бѣжать въ Америку, эту страну, по преимуществу освѣщенную дѣятельностью любимыхъ героев...

И проч. и проч.

Итакъ, воровство, вымогательства, грабежи, поджоги, убійства и всяческія насилия и звѣрства, ложь, обманъ и полное одичанье нравовъ, а за всѣмъ этимъ — арестъ, судъ, тюрьма, каторга — вотъ куда приводитъ въ концѣ концовъ своихъ адептовъ сыщицкая литература...

Но — довольно.

Картина и безъ того невесела: кровью и слезами сотенъ искалѣченныхъ молодыхъ жизней вѣетъ отъ нея...

И невольно въ измученную душу западаетъ тревожный вопросъ: гдѣ же выходъ изъ всего этого и возможенъ ли онъ?

Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: выходъ есть и возможенъ, и этотъ выходъ — *общая дружная борьба съ клокочущимъ кругомъ насъ книжнымъ потокомъ отъ сыщицкой литературы.*

И, слава Богу, эта борьба уже начата.

Английскія газеты сообщаютъ, что Конантъ - Дойль, въ виду вреда отъ его разсказовъ о Шерлокъ Холмсѣ, призналъ необходимымъ разстаться съ своимъ героемъ и теперь работаетъ только надъ историческими драмами и повѣстями. Талантливый работникъ понялъ, что искусство — громадная сила, и недостойно честнаго человѣка обращать эту могучую силу на служеніе злу, на разжиганіе въ людяхъ дурныхъ животныхъ инстинктовъ...

Начата борьба съ сыщицкой литературой и во Франціи, и въ Германіи.

Передъ нами какъ разъ лежитъ воззваніе дрезденскаго учительскаго общества къ родителямъ учениковъ. И прислушайтесь, какимъ искреннимъ осужденіемъ «окоемовщинѣ» звучитъ оно!

«Родители! — читаемъ мы въ немъ. — Если вы найдете въ ящикѣ, въ ранцѣ или въ карманѣ вашего сына тетрадки криминальнаго романа, не выбрасывайте ихъ непрочитанными. Прочитайте ихъ предварительно сами, чтобъ вамъ стало ясно, какія мошенничества и гадости, часто соединенныя съ полнѣйшей безсмыслицей, разсказываются тутъ юному читателю. Родители! Сбродъ заправскихъ сыщиковъ, заправскихъ воровъ и бандитовъ составляетъ особую категорію людей, которая существуетъ только въ сочиненномъ мірѣ разбойничьяго романа, но не въ дѣйствительной жизни. Родители! Взрослый человѣкъ, обладающій хоть небольшою долей собственныхъ воззрѣній и хорошаго вкуса, отворачивается отъ этихъ пошлостей; незрѣлый же мальчикъ все принимаетъ за чистую монету, за сущую правду. Стоитъ ему прочесть нѣсколько такихъ книжекъ, чтобы потерять различіе между возможнымъ и невозможнымъ. Притупляющимъ образомъ дѣйствуетъ криминальная литература на юнаго читателя и отнимаетъ у него вниманіе и силу для изученія того, что необходимо ему въ дѣйствительной жизни. Онъ скоро сдѣлается самымъ дур-

нымъ среди своихъ товарищей, самымъ лѣнивымъ среди своихъ братьевъ. Развѣ можетъ онъ послѣ этого съ пользою и удовольствіемъ прочесть хорошую книгу? Его испорченный вкусъ отвергнетъ ее, какъ скучную, въ то время, какъ неиспорченнымъ дѣтямъ оно послужитъ источникомъ благороднѣйшаго умственного развитія и сердечной радости. Родители! Вы ждете и надѣетесь, что современемъ ваши сыновья въ полномъ расцвѣтѣ силъ и съ здоровыми нервами выступятъ въ жизнь. Ваши сыновья—ваша гордость и ваша надежда, но они должны быть гордостью и надеждой всего народа. Берегите же ихъ отъ вліянія вреднаго чтенія, расшатывающаго нервы, затемняющаго разсудокъ и ожесточающаго сердце».

И подобныхъ воззваній за границей расходятся цѣлыя сотни. Ихъ печатаютъ въ журналахъ и газетахъ, отдѣльными изданіями рассылаютъ по домамъ, въ видѣ афишъ расклеиваютъ по улицамъ. Ихъ читаютъ всѣ. Читаютъ и сами юноши и, сознавая правдивую ихъ искренность, понемногу начинаютъ отставать отъ вреднаго или какъ называютъ его въ Германіи—«пакостнаго» чтенія.

«Долой окоемовщину!»—правда, еще робко, разрозненно, но все чаще и чаще начинаетъ звучать и у насъ на родинѣ.

Въ различныхъ журналахъ и газетахъ уже появились болѣе или менѣе обстоятельныя статьи и замѣтки о вредѣ шерлоковщины и пинкертонщины, а изъ разныхъ мѣстъ, и что особенно отрадно и важно: отъ самихъ юныхъ читателей, поступаютъ время отъ времени, какъ показываютъ анкеты, такого рода заявленія: «теперь читаю меньше, потому что стало надоѣдать», «стало скучно, потому что все небывальщина», «бросается въ глаза явная ложь», «читаю, но рѣдко, потому что тамъ печатаютъ все чепуху», «все старая каша», «все то же самое», «не читаю, потому что нашелъ болѣе интересное чтеніе», «нашелъ болѣе умныя

книги», „потому не читаю, что считаю вредными для науки“, „нужно быть какимъ-то сверхъестественнымъ существомъ, чтобы быть такимъ, какимъ описывается Натъ Пинкертонъ; почему же не пишутъ про его неудачи, разъ онъ простой человекъ“, „такого удивительнаго сдѣленія обстоятельствъ, благодаря которому герой постоянно выпутывается изъ бѣды безъ малѣйшаго для себя вреда, не можетъ быть“, „не читаю, потому что тамъ есть разныя глупости, и сочиняютъ ихъ люди, которые сидятъ въ тюрьмѣ, и имъ не даютъ жрать, и они выдумываютъ всякую дрянъ и пускаютъ въ чтеніе, за что и получаютъ деньги“ и проч.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ простого чутя жизненной правды, нарастаетъ волна отрезвленія отъ увлеченія авантюрской литературой и въ средѣ самихъ поклонниковъ этой литературы.

Заразный періодъ болѣзни какъ будто бы начинаетъ проходить, но выздоровленіе еще впереди, такъ какъ грязные кумиры еще стоятъ на своихъ пошатнувшихся пьедесталахъ...

Господа, ускорить выздоровленіе зависитъ отъ васъ самихъ. Для этого нужно только присоединить и *ваши дружныя усилія* къ нарастающему повсюду трезвому стремленію свергнуть эти нелѣпые кумиры окончательно, разбить ихъ, растоптать ихъ, уничтожить своимъ презрѣніемъ и осужденіемъ...

Проснитесь же!

Сбросьте съ себя нелѣпый, навѣянный грубо-эгоистической жадой сильныхъ впечатлѣній, кошмаръ окомовщины!

Поймите, что онъ не только унижаетъ и оскорбляетъ васъ: онъ, какъ тля, какъ ржавчина, разъѣдаетъ все духовное ваше „я“ — расслабляетъ вашу волю, извращаетъ вашу мысль, загрязняетъ ваше юное благородное сердце.

И—обкрадываетъ васъ.

Обкрадываетъ грубо, со взломомъ, заставляя васъ такъ

непроизводительно и съ явнымъ вредомъ для себя расходовать и ваше драгоцѣнное время, и ваши молодые, кипучія силы...

Поймите и запомните также и то, что *выборъ матеріала для чтенія имѣетъ громадное значеніе для опредѣленія всей послѣдующей личности чело-вѣка.*

Поэтому выбирайте книгу съ разборомъ и не позволяйте процессу чтенія руководить собой, а наоборотъ—сами руководите имъ.

Глядите, *что* и *какъ* читаете.

Если данное произведеніе доставляетъ эстетическое наслажденіе—это, конечно, хорошо, ибо увеличеніе числа пріятныхъ минутъ и уменьшеніе числа непріятныхъ только желательно.

Если же это произведеніе, сверхъ эстетическаго наслажденія, можетъ дать и серьезный матеріалъ для мысли—это еще лучше.

Если же оно, въ добавленіе ко всему сказанному, будитъ въ васъ и возвышенное настроеніе въ той или другой формѣ,—это очень хорошо.

Наконецъ, если оно мощно возбуждаетъ свѣтлыя, благородныя чувствованія или вызываетъ отвращеніе къ дикимъ и низменнымъ—это уже прекрасно.

Читайте послѣднее,—и тогда всѣ эти пестрыя книжки о сыскѣ и преступленіяхъ вызовутъ въ васъ только чувство омерзенія и гадливости, какъ будто бы вамъ предложили съѣсть кусокъ протухлаго мяса или обунуться съ головой въ грязную, вонючую, кишачую всевозможными паразитами трясину...

41698

20

Имѣются въ продажѣ брошюры Д. М. Березкина:

ПОРА ОПОМНИТЬСЯ. Алкоголизмъ и школа. Рѣчь къ учащемуся юношеству. Ц. 15 коп.

ВЪ ЧАДУ ПОРНОГРАФИИ. Рѣчь къ учащемуся юношеству. Изд. 2-е. Ц. 10 коп.

СОВРЕМЕННЫЕ КУМИРЫ. Очеркъ современной сыщицкой литературы. Рѣчь къ учащемуся юношеству. Изд. 2-е. Ц. 10 коп.

Тип. 1-я Спб. Трудовой Артели—Лиговка, 34.

1111
1000

2011136551